

11 ЯНВ 1963

г. Москва

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

«Работать утроенным маршем...»

...Просторная комната, обставленная старинной мебелью. Горят лампы в бронзовых канделябрах, освещающей большой портрет ученого-медика М. С. Маргулиса, склонившегося над микроскопом. На рояле — фотография Константина Сергеевича Станиславского с размашистой надписью: «Дорогому, сердечно любимому, не раз испытанному в несчастиях другу, мудрому целителю и советнику Михаилу Семеновичу Маргулису от душевно преданного К. Станиславского. 18.1.1929. Москва». Тут же книга «Моя жизнь в искусстве», на титульном листе — дарственная надпись великого артиста выдающемуся невропатологу.

Многолетняя дружба связывала заслуженного деятеля науки профессора М. С. Маргулиса с Константином Сергеевичем Станиславским и его женой Марией Петровной Лилиной.

Вдова ученого Мария Владимировна Маргулис-Гзовская рассказывает, как оба эти человека буквально не могли жить друг без друга: отдыхать ездили вместе, виделись часто, а если это не удавалось, то перезванивались или переписывались. И, конечно, мы бывали на всех премьерах во МХАТ, говорит Мария Владимировна, — Константин Сергеевич очень дорожил мнением мужа.

Она достает из ящика юбилейные афиши, пригласительные билеты, визитные карточки. Отдельно в коробке лежит драгоценная семейная реликвия — письма Станиславского к врачу и другу. Вот одно из них:

«23 сент. 1918 г. Дорогой Михаил Семенович! Сегодня жена оказала мне о том, что вы недовольны мной и это меня очень взволновало. Я звонил весь вечер, но... московский телефон верен себе... хочу повидаться с вами, но надо предварительно сделать исследования. Постараюсь поскорее побывать у вас. Тем временем, если вы, идя мимо, зайдете выпить стакан чая — буду очень рад вас видеть. Если я не играю — то сижу дома, а играю я только в «Трех сестрах», редко в «Вишневом саду», в «Горе от ума» и в «На всякого мудреца»... еще раз благодарю за все ваши заботы обо мне. Не считите мое молчание за неблагодарность».

Далее идет рассказ о том, в ка-

ких трудных условиях приходилось работать, вести три театра, в которых по праздникам дают по шесть спектаклей в день.

Читаем другое письмо, написанное карандашом в том же году из пансиона на станции Тучково под Москвой. Константин Сергеевич подробно пишет о своем лечении, температуре, общем состоянии и добавляет: «Конечно очень волнуясь за будущее. Надо быть здоровым и работать утроенным маршем, а если все пойдет заново (имеется в виду рецидив болезни. — М. Л.) — беда!».

Константин Сергеевич был на редкость щепетил и внимателен к окружающим. А уж как он умел ценить доброе отношение! Отдыхали мы как-то в июле, вспоминает Мария Владимировна, в Кисловодске. Погода стояла холодная, сырая. Я захватила с собой из Москвы пуховое атласное одеяло и poslала его Станиславскому. Наутро получаю букет алых роз и такую записку:

«Дорогая Мария Владимировна! Искренне тронуты и благодарны за внимание и заботу. Я, тем не менее, принужден возвратить вам любезно присланное, чудесное одеяло... подобно тому, как у каждого барона своя фантазия, так и у каждого старика свои привычки. Не могу изменить моему давнишнему другу, соратнику и товарищу по моим земным скитаниям — старому, доброму пледу. Целую ручки и благодарю еще раз. Не балуйте меня так! Вот и фрукты тоже...

Ваш К. Алексеев».

Летом 1929 г. К. С. Станиславский уехал лечиться в Баденвейлер. Оттуда Мария Петровна Лилина прислала Михаилу Семеновичу большие, подробные письма, в которых описывала и окружающую природу, и состояние здоровья его друга. Вот отрывок из письма от 29 июля: «Перемены погоды здесь очень резкие. Константин Сергеевич лучше переносит жару, даже душные дни, в которые все раскисали, не утомляли его, а холодные и сырые ему неприятны.

В другом письме от 14 ноября Мария Петровна пишет: «...С тех пор как Баденвейлер перестал быть курортом, а сделался шварцвальдской деревушкой, в которой жизнь течет, как текла 200 лет назад, Константин Сергеевич стал себя чувствовать лучше. Недостаток в сердце не прошел, конечно, но нервы очень улучшились... Теперь опять мягкие осенние дни и К. С. выходит и сидит с удовольствием на воздухе. Очень занят своей книгой. Я ее переписываю и восторгаюсь. Так ясно и просто и понятно изложено то, что мы от него слышали на репетициях...».

К. С. Станиславский в ту пору был нездоров, но не выпускал пера из рук. Он создавал свой труд «Работа актера над собой», который стал настольной книгой каждого артиста и режиссера, всех тех, кто идет по пути, указанному выдающимся реформатором сцены.

М. ЛЕВИТ.